

Luka Dvalishvili

*Państwowy Uniwersytet im. Akakiego Ceretelego
w Kutaisi, Gruzja*

ORCID: 0000-0002-6575-4693

ГРУЗИНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ГРУЗИНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ (АКАКИ ЦЕРЕТЕЛИ, ИЛЬЯ ЧКОНИЯ)

Несмотря на значительное географическое расстояние между государствами Грузия и Польша, с уверенностью можно сказать, что грузино-польские отношения всегда были особенными. Однако фактом является то, что отношения между этими двумя государствами, имеющими великую историю, культуру и традиции, переросли в особую духовную близость в 20–30-х годах XIX века, когда в Грузию были сосланы участники польского восстания 1830–1832 гг., направленного против колониальной политики Российской империи. До польского восстания, в начале XIX века, в Грузии началось движение сопротивления против русских захватчиков, которое достигло апогея в конце 1820-х годов. Это происходило почти параллельно с польским восстанием и было разоблачено в 1832 году. При этом часть грузинских аристократов, принимавших участие в противостоянии колониальной политике царизма, оказалась в Польше.

С заговором 1832 года были связаны генерал-губернатор Тбилиси Пётр Завелейский – поляк по происхождению, французский консул Летелье и другие. Как известно, грузинские заговорщики возлагали большие надежды на Польское национальное движение 1830 года. В связи с польским восстанием из Грузии был вызван генерал Паскевич. Военские части империи были вовлечены в войну против Польши. Это обстоятельство вселило в грузинских заговорщиков большие надежды на успех. Более того, участники движения грузинского сопротивления думали, что около 500 поляков, эмигрировавших в Грузию, примут участие в заговоре 1832 года. К сожалению, царизм смог подавить польское восстание, что замедлило деятельность заговорщиков и, в конечном итоге, выявило заговор грузинских патриотов.

Исходя из вышесказанного, не удивляет факт, что грузино-польские отношения стали особенно крепкими и интенсивными с 20-х и 30-х годов XIX века. Это сближение существеннее сказалось на сфере культуры. Известные представители грузинского общества, например, Георгий Эристави и др., переводили на родной язык произведения польских писателей. Также в этот период с грузинского на польский язык был переведён «Витязь в тигровой шкуре». В частности, в 1860-х годах Казимир Лапчинский с помощью Георгия Эристави сделал прозаический перевод отрывков жемчужины грузинской поэзии и шедевра мировой литературы «Витязь в тигровой шкуре» на польский язык.

Грузинские деятели культуры всегда говорили и писали с большой любовью и уважением об отношениях между грузинами и поляками. Среди них выделяются воспоминания великого грузинского поэта Акакия Церетели о его особенно любимом польском учителе – Казимеже Родзевиче. Выдающийся представитель грузинской изящной словесности, Акакий считает, что педагог Кутаисской классической гимназии Родзевич – достойный сын польского народа, стал первым наставником всей его жизни. Для Акакия он был примером того, как надо любить и служить родине и своему народу. Акакий с болью в душе пишет о российской системе образования, которая была еще более сложной и невыносимой в завоёванных империей окраинных частях. Система образования, преднамеренно искаженная правителями Российской империи, в корне подавляла умственное и нравственное развитие молодого поколения.

Akaki Cereteli (1840–1915), pisarz i polityk gruziński

По словам поэта: «Понятно, что подрастающее поколение в таких условиях взяло бы немного из гимназии, если бы в этой ужасающей темноте не появился хотя бы один луч света. Им был поляк Родзевич...». Акакий безгранично любил и уважал своего учителя, поэтому с болью в сердце отмечает, что у этой редкого ума и педагогического чутья личности из-за тяжёлой и сложной жизни была довольно преувеличенная тяга и зависимость от алкоголя, „из-за которой его уволили, но он нашёл место инспектора в Ставрополе. Затем его выгнали и оттуда и перевели к нам учителем математики. Этот пьющий учитель даже не обращал внимания на свои предметы: ни на алгебру, ни на геометрию, ни на тригонометрию, ни на физику; их изучение он предоставил нам и мы, когда нам было трудно что-то понять, задавали вопросы и он прекрасно их нам разъяснял. Удивительно, но его предмет мы знали лучше других. ... он беседовал с нами о других вещах и пытался нас разбудить наше сознание».

В том, что выдающийся сын грузинского народа Акакий Церетели с первых дней своего ученичества, несмотря на искажённую систему образования, стал достойным общественным деятелем и талантливым поэтом, львиная доля принадлежит образованному и благородному представителю польского народа Родзевичу. По словам писателя, именно он явился спасителем для гимназистов от деспотичной системы образования, препятствующей развитию их кругозора. Акакий вспоминает: «В то время было объявлено, что те, кто хотел поехать в Россию и получить высшее образование, должны были выучить латынь, те же, кто хотел только закончить гимназию, должны были изучить Закон Божий, а тот, кто закончит гимназию с наилучшими показателями, тот получит ещё и чин. Чин тогда имел очень привлекательное значение. Но все мои товарищи, хотя некоторые из них не смогли бы поехать в Россию из-за бедности, выбрали латынь. Только один из них и я захотели изучить Закон Божий, привлекаемые чином. В то время учитель русского языка приказал нам написать сочинение на любую тему, но в диалоге. Я взял и написал одну причудливую вещь. Когда учитель прочитал ее, передал инспектору и педагогическому совету, при этом сказав: «Написавшего это непременно надо наказать». Но Родзевич защитил меня на совете и сказал: «Написавшего это нужно обласкавать, а не сердиться на него, так как из него выйдет толк. Я прошу заставить его изучить латынь и пойти в какое-нибудь высшее учебное заведение. Родзевич был настолько красноречив, что его поддержали и другие члены Совета и директор согласился. Пригласили и меня. – Это ты написал? – спросил директор. Да – ответил я, немного побледнев. Как ты посмел так плохо упомянуть правительственного чиновника? Он же отставной чиновник. Всё равно, вы не можете неуважительно касаться его! Он был бы достойным и имел бы пенсию – бодро добавил инспектор – возьми и исправ

по-другому! – Если изъян лишь в этом, то это легко исправить: удалю слово «отставной» и напишу «выгнанный». Если «выгнанный» – это хорошо, то он был бы на службе. Директор улыбнулся и отпустил меня. С этого дня я тоже перешел на латынь».

Однажды во время уроков Родзевич закричал на ученика, который стоял у доски и рисовал геометрические фигуры: «Давай станцуй лекури (лезгинка)» и начал аплодировать. Ученик остолбенел, мы тоже забеспокоились, но он стоял на своём: «Ты, что, ненавидишь национальный танец?! Разве вы не знаете, что в народных песнях и танцах отражена душа народа? Лекури ведь тоже национальный танец!» ... И он перешел к мазурке: «А вот необузданная мазурка! А теперь посмотрите и это», – и станцевал трепака, украшая танец нецензурными словами. Наконец он остановился, схватил шапку и выбежал в дверь. Мы поблагодарили Бога, что ни директор, ни инспектор, ни кто-либо еще не присутствовали при этом. Было настолько жаль его, что мы не знали, смеяться нам или плакать! На третий день он пришел очень пристыженный. Долго не издавая ни звука, он наконец начал: «Мальчишки! В древней Греции рабов часто поили, и заставляли смотреть своих детей на их поведение, чтобы те воочию увидели, как отвратительно, когда человек пьянеет, теряет разум и становится похож на скотину. Позавчера я показал нечто подобное. Постарайтесь быть крепкими, переносить трудности и не испортиться, подобно мне. Кто я сейчас? Разве я не чувствую себя физически искаженным человеком? Но, всё равно спасибо Богу, это физическое искажение сделало мою душу и сердце чистыми и незапятнанными». До конца занятий он беседовал с нами подобным образом и удалился. Мы, почти все, плакали и нам было жаль его еще больше”.

Это – искреннее признание истинного учителя и наставника. Именно поэтому его любили и ценили гимназисты. В середине XIX века, когда представители царской политики всячески уничижали и скрывали национальные интересы и достоинство входивших в состав Российской империи народов,

Родзевич справедливо указывал ученикам на то, что дух нации отражался в национальных танцах и песнях. Восхищение и любовь Акакия Церетели к своему учителю возросли еще больше благодаря одному факту, сохранившемуся в его воспоминаниях. Он пишет: «Однажды, когда ... я был в доме учителя французского языка мусье Туреса. Вечером вместе с ним в гости зашёл Родзевич; они сели вдвоём и начали пить чай. Гость потребовал ром, налил себе и хозяину, начали беседовать. Охмелевший француз с восхищением стал говорить о великой французской революции. Гость вспомнил о Польше, и оба забыли про осторожность, тем более, что там кроме этих двоих и меня не было никого.

Я сидел себе в углу так, что, казалось, они даже не заметили меня, я был настолько поглощен их разговором, что почувствовал какое-то необычное умиротворение и весь превратился в слух. В конце, вздохнув, Родзевич воскликнул: «Теперь какое время, мне жаль, что я не поступил на военную службу, что не стал командующим, и в нужное время я послужил бы Конрадом для страны!». Когда я услышал это, я не перестал узнавать себя! Я не спал в ту ночь. Я сказал: «Зачем мне университет? Как хорошо было бы поступить на военную службу? Когда-нибудь я стану полководцем! Чем раньше я приступлю к работе, тем лучше и, ведь по крайней мере, в течение этого года – в последнем классе – не учат нас чему-то новому, повторяем старое, оставлю гимназию и поступлю на военную службу». Я объявил свое желание отцу. Отцу очень понравилось: – Это твоя воля, сынок! У меня в твои годы уже была жена, и я заботился о семье». Я немедленно покинул училище, чем всех удивил, и не отходил от Родзевича с утра до вечера». Из всего вышесказанного ясно, что поляк Родзевич внес большой вклад в формирование мировоззрения будущего великого грузинского поэта Акакия Церетели¹.

Братскую любовь и уважение между грузинами и поляками вспоминает также писатель второй половины XIX века Илия Чкония. Писатель в своих воспоминаниях, сохранившихся в его книге, касается Польши, где его отец, Мириан Чкония, с 1832 года был назначен «казначеем» в полку грузинского офицера, потомственного дворянина Орбелиани-Давиташвили.

Воспоминания И. Чкония являются важным источником, раскрывающим психологию польского народа, побежденного, но не сломленного. Поляки были близки только с той частью армии, которая, подобно им, состояла из представителей утратившего независимость народа – черкесских дворян». «Оказывается, местные жители даже не обедали, если не был приглашен представитель этого полка, независимо от чина и должности. Мириан Чкония сблизился с семьей одного из польских графов, где он добился такой любви,

---

1 Данные взяты из книги Акакия Церетели «Пережитое», т. 4. Тб. 2012.

что «поляки просили их всех: «Либо вы выучите наш язык, либо нас научите вашему языку, лишь бы не говорить на языке нашего общего врага!» С помощью сына и дочери графа, Мириан Чкония изучил польский и французский языки.

Ilja Chkonia (1860–1927), pisarz gruziński

«Зато всю семью отец учил, насколько знал, конечно, грузинской истории и письменности». Однажды, когда Мириан Чкония рассказывал семье графа о вторжении Ага-Мухаммед-Хана, граф, много повидавший на своём веку, воскликнул со слезами на глазах: «Бедные Грузия и Польша! Сколько бед и несчастий выпало на их долю!». Польский граф-патриот указал грузинскому воину, служащему в русской армии, что он, сын угнетенной страны – Грузии, не должен использовать оружие против польского патриота, борющегося за справедливость. Мириан, который оказался в неловком положении, сказал ... поскольку он – казначей, то не примет участия в боевых действиях, но даже если его заставят, он не встретится с графом, потому граф, обладатель такого ума и опыта, окажется в тылу, где будет более полезен своему народу. Возмущенный польский патриот крикнул: «Как? Кто, если не я, должен принять участие в освободительной борьбе за Родину!» Аналогичную готовность к бою выразила дочь графа.

Внушённая графом готовность вступить в борьбу за освобождение своего народа не покидала Мириана Чкония на протяжении всей жизни. Эту го-

товность он передал своим двум сыновьям и дочери, которые выросли достойными патриотами своего народа.

Имперская Россия после подавления польского национально-освободительного восстания 1830–1831 годов больше не скрывала своих намерений и демонстрировала свою силу. В связи с этим интересен один эпизод из воспоминаний Ильи Чкония: «К наместнику царя Паскевичу явился губернатор Варшавы граф Ладжинский (или Лодженский) и представил проект по увеличению количества государственных школ. Паскевич сначала выслушал губернатора, но как только доклад закончился, он закричал: «Ты из ума выжил, старик?! Мы за глупцами не можем присматривать, а ты хочешь размножить умных?! Разочарованный губернатор тихо сказал отцу писателя: Вы слышали, юноша-грузин, что мне сказал русский наместник? Нам так говорят, любопытно, что вам говорят?!»².

Литература

- გოზალიშვილი გ., 1832 წლის შეთქმულება, ტ. 1–2, თბ., 1935–1970., Г. Гозалишвили. Заговор 1832 года, т. 1–2. – Тбилиси, 1935–1970.
- დვალისძეი ლუკა, ილია ქყონია, ქუთაისი, 2005 წ., ლ. Дვალიშვილი. Илья Чкония. – Кутаиси, 2005.
- დვალისძეი ლუკა, ორნახადი სიტყვის ჭაშნიკი, 2014 წ., ლ. Дვალიშვილი. Вкус поэтического слова. – Кутаиси, 2014.
- საქართველოს ისტორია, ტ. 4, თბ., 2012 წ., Грузинская история т. 4. – Тбилиси, 2012.
- ქართული ლიტერატურის ისტორია, ტ. 4 თბ., 1974 წ., История грузинской литературы // Собрание сочинений, т. 4. – Тбилиси, 1974.
- წერეთელი აკაკი, ჩემი თავგადასავალი, ტ. 4. თბ., 2012 წ. Акакий Церетели. Пережитое // Собрание сочинений, т. 4. – Тбилиси, 2012.

2   Материалы взяты из книги Ильи Чкония «Дни моей жизни», «Мнатоби», 1932.

Luka Dvalishvili

Akaki Tsereteli State University

Kutaisi, Georgia

**GEORGIAN-POLISH RELATIONS IN THE MEMOIRS
OF GEORGIAN PUBLIC FIGURES (AKAKI TSERETELI, ILIA CHKONIA)**

Summary

Despite the considerable geographical distance between Georgia and Poland, Georgian-Polish relations have always been special. Georgian-Polish relations became especially strong and intense in the 20s and 30s of the 19th century. This rapprochement has become even more significant in the field of culture. A few notable Georgians translated the works of Polish writers. On the other hand, in the 1840s, Kazimir Lapczynski translated the masterpiece of Georgian poetry, “The Knight in the Panther’s Skin” into Polish. But the history of Georgian-Polish relations is marked by the memory of the great Georgian poet, Akaki Tsereteli, written by his Polish teacher, Rodziewicz. The brotherly love and relations between Georgians and Poles are also described with great love and respect in the book *My Day and Village* by the writer Ilia Chkonia, who worked in the second half of the 19th century. As is argued in the article, Georgian-Polish relations are based on a solid foundation and, it is to be hoped, will continue to be so in the future.

Keywords: Georgian-Polish relations, Caucasus, Georgia, Akaki Tsereteli, Ilia Chkonia.